

УДК 122/129

DOI 10.23683/2227-8656.2019.1.16

**ПРОЯВЛЕНИЕ АРХАИЗАЦИИ
В ПРАКТИКАХ ВЛАСТНЫХ
И ОРГАНИЗАЦИОННО-
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ
РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

**MANIFESTATION
OF ARCHAIZATION
IN THE PRACTICES
OF AUTHORITATIVE,
ORGANIZATIONAL
AND ADMINISTRATIVE
RELATIONS IN MODERN
RUSSIAN SOCIETY**

Ситников Алексей Петрович

Старший научный сотрудник
лаборатории исследования и экспертизы
социальных практик на Юге России,
Институт социологии и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: isir-sfedu@yandex.ru

Aleksey P. Sitnikov

Senior researcher at the Laboratory of Research
and Examination of Social Practices
in the South of Russia,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: isir-sfedu@yandex.ru

В статье отмечается, что основная тенденция архаизации во властных отношениях связана с реставрацией принципа «власть-собственность». Власть-собственность выступает в качестве такого института собственности, где доступ к ресурсам обусловлен принадлежностью актора к государственной иерархии. Самыми значимыми проявлениями архаизации в сфере властных отношений и функционирования элиты выступают клиентелизм и клановость.

Ключевые слова: архаизация; социальные практики; властные отношения; организационно-управленческие отношения; власть-собственность; клиентелизм; клановость.

The article notes that the main trend of archaization in power relations is connected with the restoration of the principle of “power-property”. Power-property acts as the institution of ownership, where the access to the resources is determined by the belonging to the state hierarchy. Clientelism and cronyism are the most significant manifestations of archaization in the sphere of power relations and the functioning of the elite.

Keywords: archaization; social practices; power relations; organizational and managerial relations; power-property; clientelism; cronyism.

Введение

Актуализация общественного внимания к феномену архаизации и научно-теоретического поиска накладывается на растущее многообразие и сложность типов и путей общественного развития, происходящую в России социокультурную трансформацию, связанную с противоречивыми процессами формирования новой социальности. Архаизация есть процесс вытеснения из общества, его культурных координат и повседневных практик обретенных элементов современности и активизации традиционных элементов и отживших, казалось бы, «социальных артефактов», что сопровождается редукционизмом, примитивизацией и стереотипизацией.

Процесс социокультурной трансформации в современных российских условиях отличается многоуровневостью, взаимозависимостью, структурной разнонаправленностью, что обостряет противоречия между рыночными (коммерческими), дорыночными (бюджетными) и архаичными (в том числе криминальными) формами предоставления властных отношений, между различными уровнями политической активности. Эти противоречия выступают как проявление нарушения системного характера политической сферы (Шахматова, 2008. С. 13–14).

Политика относится к тем сегментам общества, которые особенно отличаются нарастающей архаизацией. В России политическая реальность довольно быстро приняла черты клановой, корпоративной и олигархической демократии. О примитивизации политической системы пишет исследователь Н. Петров, который считает, что отсутствие действенных механизмов согласования интересов политической и бизнес-элиты не позволяет системе продвигаться вперед. Слабость партийной системы сдерживает коммуникацию между элитами и массами в режиме диалога. Обществу же присущи выраженные элементы патернализма со стороны власти, поощряемого ею самой, что дополняется чрезвычайно низким уровнем доверия, препятствующим консолидированным действиям. Российское общество словно застряло в постсоветском и постимперском статусе. Оно является деидеологизированным, неструктурированным и как бы подвешено в межеумочном состоянии между империей и национальным государством. В текущем развитии нынешний баланс – в пользу деградации (Петров, 2011).

Основные тенденции архаизации во властных отношениях и формы ее проявления в российском обществе

Основная тенденция архаизации во властных отношениях связана с реставрацией принципа «власть-собственность». В последние го-

ды в России понятие системы «власть-собственность» стало общеупотребительным в применении к комплексу формирующихся социально-экономических и политических отношений. Произошел архаичный откат к системе «власть-собственность» (Волков, Лубский, 2018. С. 97–106). Одно из самых значимых проявлений архаизации в сфере властных отношений и функционирования элиты – клиентелизм. Личные отношения господства и покровительства – отношения патронов и клиентов – рассматриваются как устойчиво воспроизводимый образец поведения управляющих и управляемых, своего рода код их взаимодействия, во многом определяющий политическую историю и ближайшее политическое будущее России (Лубский, 2014. С. 55–75).

Клиентелизм относят к числу разновидностей иерархических отношений, в основе которых – принципы покровительства патрона в обмен на уступчивость и преданность клиента (Чернецова, 2005. С. 127). Для российского чиновничества личная преданность и покровительство являются главными факторами успешной служебной карьеры. Неформальные же согласования акторов теневых сообществ невольно определяют деятельность разнообразных официальных организаций (Афанасьев, 1995; Павленко, 1999).

Деловые сети в российском бизнес-сообществе также отличаются преимущественно неформальным характером и во многом строятся на личных отношениях (Радаев, 1998). Расширенное воспроизводство системы частных связей защиты, солидарности и обмена деятельностью в эпоху институциональных кризисов и переходов – явление, хорошо описанное в научной литературе. В России конкретные основания клиентелизма дифференцируются в зависимости от специфики уровней управления (федеральный – региональный) и особенностей политико-культурных факторов на региональном уровне. Несмотря на изменение условий внутриклановой консолидации в первое десятилетие текущего века, клиентелистский паттерн элитообразования сохраняет влияние (Рогожина, 2010).

Явление клановости также отчетливо характеризует российские практики властных отношений как склонные к архаизации. Клан – властная группировка, сплоченная общими интересами и отношениями взаимной поддержки в целях удержания власти внутри себя. Клановость проявляла себя и в Советском Союзе при Брежнев, когда неформальные связи и отношения были базой для осуществления власти. Когда генеральным секретарем партии после смерти Брежнева стал Андропов, он попытался исключить из общественно-политической си-

стемы неформальные связи – клановость и корпоративность. Однако ему мало что удалось сделать.

Наша правящая элита отличается длительной историей личных отношений. Новый правящий класс подбирался исходя из принципа личного доверия. В начале нулевых годов формирование нового правящего класса на основе личного доверия и личной преданности, судя по всему, было единственной возможностью удержать государственную власть в стране. Власть должна прежде всего тесно консолидироваться. Схема, применяемая на высшем уровне власти, копируется в каждом регионе и даже районе. Там выстраиваются похожие структуры – с начальником в центре и его друзьями вокруг. Система теперь воспроизводит себя сама: не связанные общим прошлым ключевые министры заменяются знакомыми и верными людьми (Дятликович, 2011).

С архаизацией связано и такое явление, как коррупция. Исследователи из Института социологии РАН исходят из того, что при долгосрочном подходе задачи противодействия коррупции неотделимы от борьбы за демократическую организацию государственной власти, которая воспринимается как наиболее честная ее форма. Сведение коррупции – одно из главных условий прогрессивного и гармоничного развития общества в нынешнем мире (Идеальное общество ... , 2016. С. 298). Соответственно, архаизации начинают подвергаться и организационно-управленческие отношения.

В.Э. Шляпентох считает, что в нынешней России воплощается модель феодального общества. Элитные взаимоотношения выстраиваются по тем же принципам, что некогда в средневековой Европе. Главным звеном феодальной системы является слабая центральная власть, которая делегирует местным баронам полноту власти в их регионах в обмен на лояльность королю. Это так называемый принцип вассальной зависимости – обмен лояльности на возможность творить произвол в своих латифундиях.

Различие между периодами правления Ельцина и Путина состоит в том, что при Ельцине некоторые из региональных «баронов» сами пожелали стать «королями». Апогея это достигло накануне выборов 1999 г., когда «феодалы» объединились в ОВР с целью взять Кремль. «Фронта» потерпела поражение, но «фрондеров» не стали наказывать. Напротив, их инкорпорировали в существующую систему на базе нового контракта, суть которого заключается в отказе от претензий на «престол» в обмен на разрешение выкачивать из своих владений все, что можно, не забывая, естественно, отстегивать дань «королевской» власти (Цуладзе, 2009).

В рамках модели феодального общества элитные взаимоотношения выстраиваются в пространстве бюрократической реальности.

Когда говорят о бюрократии, имеют в виду специфический слой (социальную группу) людей, объединенных особыми групповыми интересами и ценностными предпочтениями. Они отличаются сходством взглядов на свое место и свою роль в обществе, а также на представления общества о месте этой социальной группы в подобном социуме. Этот социальный слой людей отличается особым самосознанием, которому присуще безразличие к социальному смыслу и общественным последствиям собственной служебной деятельности. В подобном самосознании доминируют совокупность ведомственных или местнических интересов, высокомерное отношение к «простому люду», пренебрежительное отношение к ценностям и принципам, чувство социального превосходства, которое основано на их представлениях об особой значимости бюрократической деятельности.

В пределах подобной бюрократической системы управления и властвования формируется особый тип личности (бюрократизированный индивид), которой присущи специфическая этика политического и идейно-нравственного конформизма, психология верности (бездумной или чаще всего показной) существующим порядкам, ориентация на соответствие мнениям и требованиям непосредственного окружения (Жердев, 2010).

К примеру, Г.А. Орлова, исходя из исторического опыта функционирования органов государственного управления в России, трактует «бюрократическую реальность» в качестве мира административного опыта, структурированного «посредством письма» и предлагающего свои схемы объяснения общественной жизни и собственные поведенческие модели. Этой «бюрократической реальности» присущи свои знаки и способы работы с ними. В большей или меньшей степени «бюрократическая реальность» охватывает собой всех жителей государства, которым хотя бы единожды доводилось выступить в роли автора заявления или же странствовать по коридорам учреждений в поисках желаемой печати (Орлова, 1999. С. 96).

«Лояльность» – ключевое понятие в подобной феодальной системе элитных взаимоотношений. Подобный принцип подбора кадров, основанный на первенстве лояльности, ведет к закрытости системы, поскольку ресурс знакомых и родственников не беспределен. С другой стороны, возникает феномен перепроизводства элиты. Коррупция из отклонения от нормы превращается в саму норму, в принцип работы всей бюрократической системы. Следствие – рост численности некомпетентных чиновников и вымывание из системы профессионалов,

снижение качества принимаемых управленческих решений и способностей управленческого аппарата выполнять уже принятые решения, наконец, обособление бюрократической системы от общества, которое она призвана только лишь обслуживать. Получается наоборот – общество вынуждено обслуживать бюрократию (Цуладзе, 2009). Недаром Ю.Г. Коргунюк исходит из того, что бюрократию отличают такие типы мотивации, как «элементарное шкурничество, готовность отстаивать интересы клана, стремление защитить корпоративные интересы своего класса» (Коргунюк, 2001).

Л. Бызов, основываясь на результатах социологического опроса, пишет о том, что во всех группах опрошенных государственных служащих точка зрения о том, что российская бюрократия главным образом заинтересована в обеспечении своего богатства и влияния, является доминирующей. Причем, хорошо понимая специфику интересов российской бюрократии, сами служащие видят ее в первую очередь в сохранении и постоянном упрочении своего влияния и своей власти, в защите собственных интересов. Интересы общества противопоставляются осознанным государственной бюрократией собственным интересам. При этом чиновники ощущают себя не в структуре общества, но над ним (Бызов, 2006. С. 26–27).

По определению многих аналитиков, в контекст архаизации вписывается и современная российская коррупция, которая отчетливо демонстрирует, что в числе основных мотивов многих представителей правящего класса – именно стремление к извлечению максимального дохода из подконтрольной территории, что выражается в большой величине коррупционной ренты, присваиваемой чиновниками (Крупкин, 2009. С. 88).

А. Рябов обращает внимание на то, что подобные явления, порождающие масштабную коррупцию в самых разных формах и проявлениях, напоминают распространенные на Руси XV – XVI столетий практики «кормлений», когда вельмож отправляли управлять на места без выплаты жалованья, исходя из того, что средства на жизнь они сами добудут в ходе поборов с местного населения (Рябов, 2008. С. 5).

Проверки, проведенные в 11 федеральных министерствах и ведомствах, выявили более 47 тысяч нарушений законодательства о государственной и муниципальной службе. По их результатам было возбуждено более 600 уголовных дел, почти 2700 чиновников оказались привлеченными к дисциплинарной и административной ответственности.

При этом объем коррупционного рынка оказался сопоставимым с федеральным бюджетом и был оценен более чем в 240 млрд долл. Согласно опросам ВЦИОМ, каждый третий россиянин требует введения смертной казни за коррупцию и экономические преступления. Почти

40 % респондентов выступают за радикальную чистку и сокращение государственного аппарата. Столько же опрошенных считает возможным сделать нормой конфискацию имущества как коррупционеров, так и членов их семей (Выжutowич, 2006).

Заключение

Таким образом, социальные и политические обстоятельства способствуют проявлению социальной примитивизации и упрощения в общественных настроениях, выступающих источниками архаизации, что связано с разрушением сложившихся культурных слоев и погружением сознания в архаические пласты культуры. Социальные субъекты в лице властвующих элит сознательно используют эти интенции в своих интересах. Итогом становятся социальная апатия, безверие и двоемыслие. Человек утрачивает исходные интуиции положительного понимания социальности, оставшись один на один с чувством смыслоутраты и потери жизненных ориентиров, когда человеку не с чем себя соотнести и не во что верить.

Литература

Афанасьев М. Государев двор или гражданская служба? Российское чиновничество на распутье // *Полис*. 1995. № 6. С. 67–80.

Бызов Л.Г. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? // *Социологические исследования*. 2006. № 3. С. 21–28.

Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография. В 2 кн. Кн. 1 Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета, 2018. 278 с.

Выжutowич В. Кормление с должности // *Российская газета*. 2006. 10 нояб.

Дятликович В., Чапковский Ф. Клановость: польза и преодоление // *Русский репортер*. 2011. № 36. С. 52–58.

Жердев В.В. Корпоративная самозащита бюрократии в системе государственного управления: ресурсы и технологии социального действия: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2010. 32 с.

Идеальное общество в мечтах людей в России и в Китае / М.К. Горшков и [др.]; отв. ред. М.К. Горшков, П.М. Козырева, Ли Пэйлинь, Н.Е. Тихонова; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016.

References

Afanasyev, M. (1995). Gosudarev court or civil service? Russian officials at a crossroads. *Polis*, 6, 67-80. (in Russian).

Byzov, L.G. (2006). Bureaucracy under V. Putin – the subject of development or its brake? *Socis*, 3, 21-28. (in Russian).

Volkov Yu.G., Lubsky A.V. (2018). Russian reality in the sociological discourse space: monograph. In 2 books. Prince 1 Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University (in Russian).

Vyzhutovich, V. (2006). Feeding from a post. *Rossiyskaya gazeta*, Nov. 10. (in Russian).

Dyatlikovich, V., Chapkovsky, F. (2011). Clannishness: Benefit and Overcoming. *Russkiy reporter*, 36, 52-58. (in Russian).

Zherdev, V.V. (2010). Corporate self-defense of the bureaucracy in the system of government: resources and technologies of social action. (Doctoral Dissertation, Rostov-on-Don).

The ideal society in the dreams of people in Russia and in China (2016) / М.К. Gorshkov [et al.]; In М.К. Gorshkov, P.М. Kozyreva, Lee Palin, N.E. Tikhonov (Eds.); Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. М.:

424 с.

Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства // *Полис*. 2001. № 1. С. 30–48.

Крупкин П.Л. Архаизация – доминирующий тренд социальных изменений в России // *Научный эксперт*. 2009. № 7–8. С. 86–88.

Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2014. 294 с.

Орлова Г.А. Бюрократическая реальность // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6. С. 96–106.

Павленко С. Элемент демократии или закулисные сделки? // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4, № 1. С. 68–83.

Петров Н. Модернизация как модель выживания // *Московские новости*. 2011. 11 апр.

Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика / Центр политических технологий. М., 1998. 328 с.

Рогожина К.А. Клиентелизм в рекрутировании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 29 с.

Рябов А. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи // *Московский фонд Карнеги. Серия «Рабочие материалы»*. 2008. № 4. С. 4–14.

Цуладзе А. Полураспад Системы, или Эпоха «волюнтаризма» // *Ежедневный журнал*. 2009. 21 сент.

Чернецова А.В. Математическая модель структуры власти как инструмент социологического анализа клановых и патерналистских отношений // *Социология: 4М*. 2005. № 20. С. 121–130.

Шахматова Н.В. Основные методологические проблемы изучения властных отношений в России // *Известия Саратовского университета. Социология. Политология*. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 11–15.

Novyy khronograf.

Korgunyuk, Yu.G. (2001). The political elite of modern Russia from the point of view of social representation. *Polis*, 1, 30-48. (in Russian).

Krupkin, P.L. (2009). Archaization – the dominant trend of social change in Russia. *Nauchnyy ekspert*, 7-8, 86-88. (in Russian).

Lubsky R.A. (2014) Russian statehood as a social reality / Ed. ed.Volkov Yu.G. Rostov-on-Don: Science and Education Foundation. (in Russian).

Orlova, G.A. (1999). Bureaucratic reality. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 6, 96-106. (in Russian).

Pavlenko, S. (1999). An element of democracy or backroom deals? *Pro et Contra*, 4 (1), 68-83. (in Russian).

Petrov, N. (2011). Modernization as a survival model. *Moskovskiye novosti*, April 11. (in Russian).

Radaev, V.V. (1998). Formation of new Russian markets: transaction costs, forms of control and business ethics. Center for Political Technologies. M.

Rogozhina, K.A. (2010). Clientelism in recruiting political elites in the Russian Federation and the post-Soviet states of Central Asia. (Doctoral Dissertation, Moscow).

Ryabov, A. (2008). Revival of the “feudal” archaic in modern Russia: practice and ideas. *Moskovskiy fond Karnegi. Seriya «Rabochiye materialy»*, 4, 4-14. (in Russian).

Tsuladze, A. (2009). Half-life of the System, or the Epoch of “voluntarism”. *Yezhnevnyy zhurnal*, Sept. 21. (in Russian).

Chernetsova, A.V. (2005). Mathematical model of the structure of power as an instrument of sociological analysis of clan and paternalistic relations. *Sotsiologiya: 4M*, 20, 121-130. (in Russian).

Shakhmatova, N.V. (2008). The main methodological problems of the study of power relations in Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sociology. Political Science*, 8, 2, 11-15. (in Russian).

Поступила в редакцию

26 декабря 2018 г.